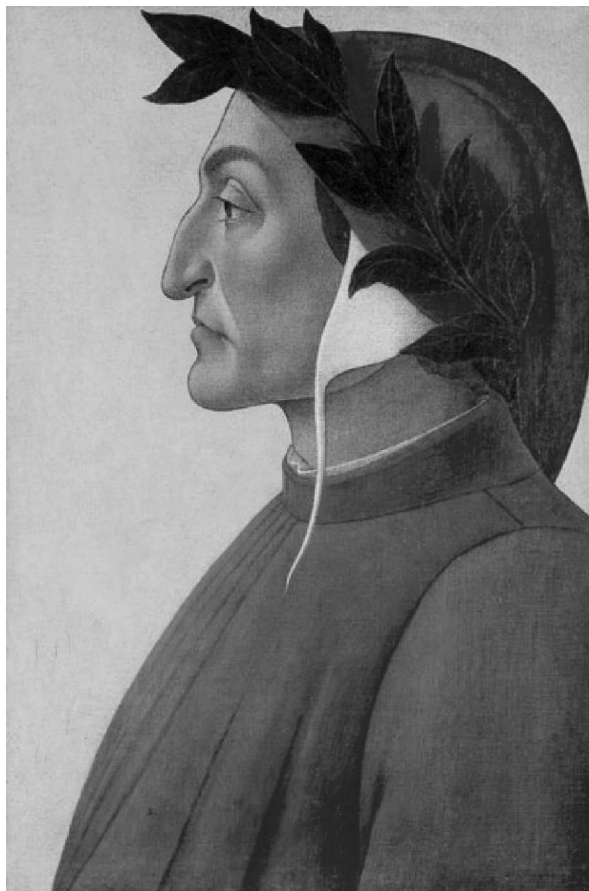

ЛЕГЕНДАРНЫЕ КНИГИ ЛИТАГЕНТСТВА ФТМ

КЛАССИКА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ДАНТЕ АЛИГЬЕРИ

1265-1321

ЛЕГЕНДАРНЫЕ КНИГИ ЛИТАГЕНТСТВА ФТМ

Данте Алигьери

Божественная комедия

С иллюстрациями Гюстава Доре

ФТМ

УДК 82.1
ББК 84(0)
А50

*Перевод с итальянского
М.Л. Лозинский*

Алигьери, Д.

А50 Божественная комедия / Д. Алигьери; [пер. с ит. М.Л. Лозинский]. – М. : Т8 RUGRAM / Агентство ФТМ. – 902 с. – (Легендарные книги литагентства ФТМ).

ISBN 978-5-519-66242-0

Данте Алигьери – великий поэт позднего Средневековья, проложивший для всех европейских культур пути в литературу нового времени; создатель современного итальянского языка. Своё главное произведение – непревзойдённую, величественную, истинно божественную «Комедию» – он посвятил состояниям человеческих душ в жутких кругах Ада, на трудных уступах Чистилища, в гармоничных небесах Рая. Читатель «Божественной комедии» следует за Данте, созерцая все модели человеческой жизни и посмертной судьбы: одни персонажи навсегда погрязли в грехе, другие застигнуты автором на переходной стадии к добродетели, третьим дарован путь к совершенству. Поэзии Данте свойственны все виды энергии, известные современной науке. Единство света, звука и материи составляет её внутреннюю природу, и, соединив несоединимое, великий поэт изменил структуру времени.

litagent.ru

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

УДК 82.1
ББК 84(0)
VIC DCF
BISAC POE008000

© Т8 RUGRAM, 2019

© ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2019

ISBN 978-5-519-66242-0 © Перевод. М.Л. Лозинский, наследники, 2019

ДАНТЕ АЛИГЬЕРИ

«Тройственная поэма, в которой все знания, все поверия, все страсти средних веков были воплощены и преданы, так сказать, осязанию в живописных терцинах», — таково замечательное по своей сжатости определение, которое Пушкин, в черновом наброске, даёт «Божественной Комедии». Действительно, величавая поэма Данте, возникшая на рубеже двух эпох, запечатлела в вековечных образах культуру западного средневековья. Все его «знания» она отражает с такой полнотой, что современники видели в ней прежде всего учёное сочинение. Все «поверия» современного Данте мира воссозданы в стройном, зодчески продуманном целом. Все «страсти» тогдашнего человечества дышат в стихах «Комедии»: и страсти обитателей загробных царств, даже после смерти не угасшие, и великая страсть самого поэта, его любовь и ненависть. И всё это поистине «предано осязанию в живописных терцинах», покоряющих своей пластической и звуковой выразительностью.

* * *

«Dante Alagherii Florentinus Et Exul Immeritus», «Данте Алигьери, флорентинец и безвинный изгнанник» — надписывает свои латинские послания автор

«Божественной Комедии». И на её страницах он именно таков: флорентинец, страстный патриот, изгнанный из отечества и оклеветанный торжествующими врагами, неколебимо убеждённый в том, что он был прав и в день изгнания и потом, когда, в годы скитаний, постигнув, как ему казалось, высшую правду, он призывал на свою Флоренцию карающий гром. Этим чувством определяется пафос его поэмы, и многое в ней останется для нас тёмным, если мы не будем хоть вкратце знать судьбу её создателя и тот исторический фон, на котором прошла его жизнь.

Национальное и всечеловеческое единство, основанное на бескорыстном слиянии отдельных волей и порождающее всеобщий мир и личную свободу, — таков был общественный идеал творца «Божественной Комедии». И ничто так не противоречило этому идеалу, как та историческая действительность, которая окружала Данте Алигьери. Отсюда — трагизм его судьбы, и отсюда же — высокий пафос его творчества.

После крушения Западно-римской империи, сметённой волнами варварских нашествий, за обладание Италией боролись, сменяя друг друга, остготы, византийцы, лангобарды, франкские и германские императоры, сарацины, норманны, французы. В итоге этой восьмивековой борьбы, по-разному отразившейся на судьбах отдельных областей Апеннинского полуострова, Италия, ко времени Данте, лежала раздробленной на части, объятая пожаром непрерывных войн и кровавых междоусобиц («Чист.» VI, 76—126).

Северная и Средняя Италия, номинально подчинённые германским императорам, на деле были предоставлены самим себе и образовали пёструю мозаику самоуправляющихся территорий. Ломбардия дробилась на множество феодальных вотчин и независимых городских коммун, но эти вольные города, истощённые внутренними распрями, начинали, один за другим, попадать под единоличную власть тиранов. В Милане укреплялись Висконти, в Вероне правили Делла Скала. На Лигурийском побережье и на лагунах северной Адриатики утвердились две мощные морские республики — Генуя и Венеция, уже вступившие в длительное соперничество. В Тоскане боролись за преобладание богатые города-республики — Флоренция, Сьена, Лукка. Приморская Пиза, разгромленная на водах своей соперницей Генуей, с трудом отражала натиск Флоренции, искавшей выхода к морю.

Церковная область, сложившаяся в середине VIII века, когда отец Карла Великого, франкский король Пипин Короткий присоединил к Римскому дукату и передал папе часть территорий, отвоёванных им у лангобардов, простиралась от Тирренского до Адриатического моря и включала, кроме Рима и окрестных земель, Анконскую марку и Романью. Императоры считали себя её верховными властителями, но в 70-х годах XIII в. Рудольф Габсбургский отказался от своих прав на неё в пользу папы. Здесь бушевали такие же смуты, как и в остальной Италии («Ад» XXVII, 37–38). Римские первосвященники, мечтавшие возглавить все-

мирную теократию, не могли навести порядок в своих ближайших владениях. В самом Риме вспыхивали то феодальные усобицы, то народные возмущения. Крупные и мелкие феодалы и отдельные городские общины, особенно в Романье, были не только независимы от пап, но сплошь и рядом открыто им враждебны. Болонья существовала как свободная республика. Феррарские д'Эсте, равеннские Полента, риминийские Малатеста правили как самодержцы.

Особо сложилась судьба Южной Италии. В XI столетии офранцузенные норманны отвоевали её у византийцев и лангобардских баронов, а Сицилию — у сарацин, и основали королевство Обеих Сицилий, которое, веком позже, путём династического брака, перешло в руки Гогенштауфенов, а затем (1266) стало добычей французов в лице Карла I Анжуйского. После «Сицилийской вечерни» 1282 года, когда в Палермо вспыхнуло кровавое восстание против французского гнёта («Рай» VIII, 73—75), охватившее весь остров, власть над Сицилией перешла к арагонскому королю Педро III и его преемникам, а за анжуйским домом осталась Южная Италия, так называемое Неаполитанское королевство. Эта крупная держава, управляемая французской династией, имела большое влияние на итальянские дела. При жизни Данте ею владели: Карл I (1266—1285), Карл II (1285—1309) и Роберт (1309—1343).

Расчленённая таким образом Италия, где отдельные части соперничали и враждовали друг с другом и в каждом городе кипели междоусобия, продолжала быть

ареной и более широкой борьбы, которую издавна вели две основные политические силы западного средневековья, — империя и папство.

Память о державном Риме не угасала в сознании варваризованной Европы, начавшей строиться на его развалинах. И когда франкский король Карл Великий, уничтожив государство лангобардов («Рай» VI, 94—96), принял в 800 г. из рук папы императорский венец и северная половина Италии объединилась с его заальпийскими владениями, простиравшимися от Эбро до Эльбы, Западная Империя, хоть и в более тесных границах, возникла вновь. Карл был властелином почти всего христианского Запада. На папу он смотрел, как на своего подданного, а Церковную область, вместе с Римом, считал своей вассальной землёй. Но его обширная держава ненадолго пережила своего создателя и распалась на куски. Франция, Германия, Прованс, Бургундия, Наварра превратились в самостоятельные государства. Императорский сан остался за германскими королями. Коронуясь в Ахене, они принимали титул «императора и короля римлян». Их феодальная держава, получившая название Священной Римской Империи, охватывала Германию и «королевство Италию», то есть северную и среднюю полосы полуострова. Но им не удалось преодолеть политическую раздробленность своих итальянских владений, которая лишь углублялась по мере усиления отдельных синьорий и городских общин.

Притязаниям империи на мировое владычество, в действительности никогда не осуществлённым, папство

уже в IX в. противопоставило идею главенства церкви над государством, провозгласив, что римский первосвященник — выше императоров и королей и что свою власть они получают от него. Для обоснования своих прав на светское господство, папы ссылались на подложную грамоту Константина Великого, которою император, приняв христианство и перенося столицу в Византию, якобы уступал папе Сильвестру Рим и западные страны. В средние века не сомневались в подлинности «Константинова дара», и Данте считал его величайшим историческим несчастьем, породившим неисчислимые бедствия («Ад» XIX, 115—117; «Чист.» XXXII, 124—129; «Рай» XX, 55—60).

Борьба империи и папства, заполнившая пять столетий, в XIII веке достигла особой остроты, и вся Италия разделилась на два враждебных стана: гибеллинов (приверженцев империи) и гвельфов (сторонников папства). Это не были политические партии в современном смысле слова. К каким-либо ясно намеченным целям не стремились ни те, ни другие. Крупные феодалы обычно становились в ряды гибеллинов, потому что видели в империи защитницу своих интересов, а их противники, как некоторые городские коммуны, где преобладали купцы и промышленники, потому были гвельфскими, что союз с папами сулил им выгоды. Принадлежность к тому или другому стану определялась главным образом временными соображениями и расчётами местной политики. Немало было феодалов-гвельфов и гибеллинских городских республик. Когда